

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От весёлой реки, по траве, из последних силёнок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребёнок,
Но ему перед батей уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнёт, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнёт,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнёт.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребёнка в ту ночь загорится звезда,
И при свете её он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улётшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А, когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребёнок, нагнул и начал читать.